

190804

Э. Фельсбергъ.

МИКЕНСКІЙ ПЕРІОДЪ
ИСТОРИИ ГРЕЦІИ.

Юрьевъ.
Типографія Эд. Бергмана.
1907.

Э. Фельсбергъ.

МИКЕНСКІЙ ПЕРІОДЪ
ИСТОРИИ ГРЕЦІИ.

Юрьевъ.
Типографія Эд. Бергмана.
1907.

Микенскій періодъ исторіи Греціи.

Въ области изученія греческой исторіи замѣчается за послѣднее время особенное оживленіе. Благодаря успѣхамъ въ разработкѣ эпиграфики, папирологии и археологіи открыто столько новаго матеріала, что для всесторонняго изученія его потребуется еще много десятилѣтій, много поколѣній ученыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ число греческихъ надписей достигаетъ уже нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Благодаря изученію надписей греческая исторія въ значительной части стала документальной, а изслѣдователю этого отдѣла исторіи постоянно приходится обращаться къ „каменному архиву“ древней Эллады. Главнымъ образомъ благодаря изученію надписей измѣнилось отношеніе историковъ къ греческой исторіи. Если прежніе историки видѣли въ Греціи страну прекрасныхъ возвышенно настроенныхъ мужей и юношей, которые поклонялись красотѣ и жили въ мирѣ грезъ о прекраснѣйшей жизни, то историки нашего времени находятъ, что уже и грековъ волновали всѣ вопросы, которые и теперь занимаютъ cadaго мыслящаго человѣка, и что язвы, отъ которыхъ страдаетъ наше общество, не были чужды и греческому міру.

Въ послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка наступаетъ эпоха папирологии. Въ Египтѣ находятъ остатки прежнихъ библіотекъ въ видѣ папирусовъ, которые часто валялись среди разныхъ отбросовъ на мѣстахъ развалинъ. Папирусы дали намъ, кромѣ такихъ неоцѣнимыхъ сокровищъ, какъ Аѳинская Политія Аристотеля, стихотворенія Бакхилида, оды Пиндара, бытовыя сценки Герода, отрывки изъ Гиперида и Гомера, безчисленное множество разнаго рода документовъ: контракты, судебныя рѣшенія, счета, письма и др. Особенно выиграла благодаря разысканію и изученію папирусовъ исторія Птолемеевъ.

Между тѣмъ, какъ эпиграфика и папирологія проливаютъ свѣтъ главнымъ образомъ на исторію Греціи послѣ Персидскихъ войнъ,

археологія произвела переверотъ въ области древнѣйшей греческой исторіи: она отодвинула предѣлы греческой исторіи почти на два тысячелѣтія назадъ и развернула передъ нашими глазами картину удивительной культуры златообильныхъ Микенъ, гомеровской Трои и сказочнаго Крита.

Археологія дала, конечно, очень многое и для исторіи классическаго періода Греціи, а раскопки въ Олимпіи и Дельфахъ способствовали обогащенію нашихъ познаній объ различныхъ областяхъ древнегреческой жизни, а не одной только исторіи искусствъ. Имѣя въ виду одинъ только древнѣйшій періодъ греческой исторіи, я по необходимости въ этой статьѣ намѣренъ ограничиться сжатымъ обзоромъ хода раскопокъ въ Микенахъ, въ Троѣ и на Критѣ и краткимъ сообщеніемъ о результатахъ этихъ раскопокъ, обогатившихъ греческую исторію.

Часть микенскихъ развалинъ давно была извѣстна: о нихъ говоритъ уже Павсаній, писатель II вѣка по Р. Хр. Развалины эти состояли изъ стѣнъ, сложенныхъ изъ огромныхъ камней, и изъ куполообразной могилы, извѣстной подъ именемъ „Сокровищницы царя Атрея.“ Но съ культурою, свидѣтелями которой были эти стѣны, мы могли познакомиться только недавно благодаря раскопкамъ, начатымъ въ 1876 году знаменитымъ археологомъ Шлиманомъ. Шлиманъ открылъ въ Микенахъ, кромѣ нѣсколькихъ куполообразныхъ могилъ, похожихъ на „Сокровищницу Атрея“, внутри акрополя 6 царскихъ могилъ, врубленныхъ вертикально въ скалу. По мнѣнію Шлимана, это были могилы Агамемнона и его спутниковъ. Кромѣ 19 скелетовъ, здѣсь было найдено множество драгоценностей: золотыя маски, діадемы, перстни, браслеты, идольчики, оружіе и пр. То, что раньше считали вымысломъ поэтовъ, оказалось дѣйствительностью: сказанія о богатствѣ и могуществѣ Микенъ нашли себѣ полное подтвержденіе. Лѣтъ десять послѣ Шлимана производствомъ раскопокъ въ Микенахъ занялось греческое Археологическое общество. На этотъ разъ были открыты развалины дворца, подобнаго тиринскому, открытому тѣмъ же Шлиманомъ въ 1884 г., и нѣсколько десятковъ могилъ. Изъ вещей, найденныхъ въ этихъ могилахъ, особенно замѣчательны желѣзные кольца, потому что до тѣхъ поръ полагали, что въ микенскую эпоху желѣза еще не знали. Какъ микенскій, такъ и тиринскій замки были сильно укрѣплены. Микенскій замокъ соединяла съ Коринѣомъ цѣлая сѣть дорогъ, то высѣченныхъ въ скалѣ, то выложенныхъ громадными камнями, съ мостами, построенными на сводахъ. Эти дороги, вѣроятно, служили главнымъ образомъ стратегическимъ цѣлямъ: по нимъ двигались колесницы микенскихъ царей.

Опредѣлить время, къ которому относится процвѣтаніе микен-

ской культуры, можно съ помощью хронологіи Египта: въ Микенахъ были найдены картуши съ именемъ фараона Аменофиса II, который, по мнѣнію египтологовъ, жилъ около 1450 г. до Р. Хр., Аменофиса III, жившаго около 1400 г., и его супруги Ти (Thi). Согласно съ этимъ, на памятникахъ египетскихъ того же времени отражается сильное вліяніе микенской культуры. По египетскимъ стѣннымъ изображеніямъ кефтіу (вѣроятно — критяне*) приносятъ царю Тутмосису III**) въ подарокъ вазы, по формѣ совершенно похожія на микенскія; микенскія же вазы, были найдены и въ могилахъ около Гуроба, относимыхъ по времени къ 1400—1250 г., и въ могилѣ Рамзеса III, первой половины XII вѣка по Р. Хр.

На островѣ Оерѣ, нынѣшнемъ Санторино, примитивныя микенскія вазы были найдены подъ слоемъ лавы. Вулканическое изверженіе, которымъ были засыпаны эти вазы, геологи относятъ приблизительно къ двухтысячному году до Р. Хр., хотя и дѣлаютъ оговорку, что это могло быть и 200 лѣтъ раньше или позже. Итакъ, процвѣтаніе микенской культуры относится, какъ можно думать, ко второй половинѣ II тысячелѣтія до Р. Хр., начало же ея къ 2000 или, по крайней мѣрѣ, къ 1800 году до Р. Хр.

Еще большаго процвѣтанія, чѣмъ на Оерѣ, ранняя микенская культура достигла на островѣ Мелосѣ, который, благодаря особенно твердому камню (обсидіанъ), изъ котораго дѣлали острія ножей, кончики мечей и другіе инструменты, въ каменномъ вѣкѣ и въ первой половинѣ бронзоваго вѣка игралъ видную роль среди острововъ Эгейскаго моря. Изъ четырехъ слоевъ, которые различаютъ здѣсь, особенно замѣчательны второй и третій. Второй слой снизу относится еще къ до-микенской эпохѣ; вазовые рисунки его представляютъ своего рода геометрической стиль, родственныи стилю дипилона. Интересно, что этотъ стиль на Мелосѣ господствовалъ раньше микенскаго, между тѣмъ какъ въ Атикѣ мы его встрѣчаемъ позже микенскаго. Культура третьяго слоя на Мелосѣ уже микенская и напоминаетъ засыпанную вулканомъ культуру сосѣдней Оеры. Изъ стѣнныхъ декорацій Мелоса особенно поражаютъ своею красотою бѣлыя лиліи на красномъ фонѣ.

Металлъ микенскаго времени — бронза, что указываетъ на очень развитыя торговыя сношенія съ европейскимъ западомъ, откуда получалось необходимое для приготовленія бронзы олово.

Раскопки на мѣстѣ древней Трои начались въ семидесятыхъ годахъ XIX вѣка и были предприняты упомянутымъ уже Шлиманомъ, который велъ ихъ въ нѣсколько пріемовъ до 1890 г.

*) Ср. The Annual of the British School at Athens. VIII. стр. 162—175.

**) Около 1500 г. до Р. Хр.

Раскопки Шлимана дали богатые результаты. Онъ открылъ фундаменты нѣсколькихъ древнихъ городовъ, изъ которыхъ одинъ, безъ сомнѣнія уничтоженный пожаромъ, по его мнѣнію, и долженъ былъ быть Троею Приама. Въ стѣнѣ этого города былъ замурованъ богатый кладъ, состоящій изъ двухъ великолѣпныхъ діадемъ, серебряныхъ слитковъ, золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ сосудовъ и около 8000 мелкихъ золотыхъ вещицъ. Впослѣдствіи, однако, выяснилось, что этотъ городъ есть сооруженіе до-микенскаго періода, и что его слѣдуетъ, вѣроятно, отнести еще къ III тысячелѣтію до Р. Хр. Открыть микенскій городъ, который скорѣе всего можно отождествить съ гомеровскою Троею, было суждено не Шлиману, всю свою жизнь объ этомъ мечтавшему, а продолжателю его труда, извѣстному археологу-архитектору Дерпфельду, который въ 1893 г. велъ раскопки на средства госпожи Шлиманъ, а въ 1894 г. на средства императора Вильгельма.

Въ объясненіе того, что Шлиману, который на Гиссарлыкѣ велъ раскопки въ теченіе многихъ лѣтъ, не удалось отыскать развалины микенской эпохи, необходимо указать на то обстоятельство, что на вершинѣ акрополя, гдѣ главнымъ образомъ производилъ раскопки Шлиманъ, фундаменты микенской эпохи были удалены планировкой, произведенною еще въ римское время. Дерпфельдъ же производилъ раскопки дальше отъ центра поселенія и нашелъ очень хорошо сохранившійся городъ микенской эпохи.

Согласно Дерпфельду, при раскопкахъ на Гиссарлыкѣ слѣдуетъ различать 9 наслоеній. Верхній слой (снизу 9-ый), какъ это видно изъ многочисленныхъ надписей, найденныхъ тамъ, относится къ римскому времени. Второй сверху (8-ой снизу) слой обломками глиняныхъ сосудовъ и надписями въ достаточной степени свидѣтельствуется, что онъ относится къ классическому періоду греческой исторіи. Седьмой снизу слой, какъ послѣ-микенскій и до-классическій, относятъ къ началу перваго тысячелѣтія. Сооруженія 6-го слоя напоминаютъ дворцы въ Микенахъ и Тиринѣ; этотъ городъ окруженъ громадною каменною стѣною и содержитъ много вазъ микенскаго производства; слѣдовательно онъ можетъ быть отнесенъ къ II половинѣ II тысячелѣтія до Р. Хр. Для первыхъ пяти слоевъ сколько нибудь точная датировка невозможна. Дерпфельдъ предлагаетъ слѣдующія даты: для трехъ небольшихъ городовъ (3-го, 4-го и 5-го) — первую половину втораго тысячелѣтія до Р. Хр.; для уничтоженнаго огнемъ втораго города, въ развалинахъ котораго находили множество роскошныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, какъ и инструменты изъ камня и вазы, сдѣланныя отчасти еще безъ гончарнаго станка, — 2500 г.—2000 г. до Р. Хр.; для перваго же города, относящагося всецѣло еще къ каменному вѣку, — время до

2500 года. Однако Дерпфельдъ самъ дѣлаетъ оговорку, что относительно древнѣйшихъ слоевъ онъ могъ ошибиться не только на столѣтія, но и на тысячелѣтіе.

На Критѣ остатки микенской культуры сохранились главнымъ образомъ въ плодородной средней части острова, гдѣ въ греческое время находились города Кноссъ, Фестъ и Гортина. Въ 1900 году на мѣстѣ древняго Кносса, знаменитой столицы царя Миноса, началъ раскопки англичанинъ Эвансъ. Уже на глубинѣ двухъ метровъ отъ нынѣшней поверхности земли, а мѣстами и менѣе глубоко, Эвансъ нашелъ развалины погибшаго отъ огня огромнаго дворца микенской эпохи. Дворецъ представляетъ цѣлый лабиринтъ комнатъ, расположенныхъ около большого внутренняго двора, и не имѣетъ крѣпостной стѣны. Въ немъ находится древнѣйшій въ мірѣ театръ и загадочная зала съ алебастровымъ трономъ, которую одни считаютъ тронной залой, другіе — царской ванной, третьи — чѣмъ-то вродѣ оранжереи и т. д.

Развалины не достигаютъ большой вышины; объ украшеніи стѣнъ, однако, можно судить потому, что штукатурку, которая отвалилась отъ верхнихъ частей зданія, удалось скрѣпить гипсомъ и поднять. Стѣнная живопись поражаетъ своимъ совершенствомъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаетъ произведенія нашего декадентскаго искусства. Особенно хорошо сохранилось чудное изображеніе юноши съ длинными, черными какъ смола волосами, одѣтаго въ пестрый передникъ и держащаго передъ собою сосудъ голубого цвѣта съ красными линиями. Художнику замѣчательно хорошо удалось передать гордую осанку юноши и характерную для микенскаго искусства тонкую талію, которая въ произведеніяхъ мастеровъ Арголіды часто доведена до невозможности. Профиль лица благороденъ и до извѣстной степени напоминаетъ профиль статуй классическаго времени Греціи, ракурсъ правой руки, въ которой юноша держитъ вазу, однако, не удался, а глазъ изображенъ невѣрно. До насъ дошелъ и древнекритскій образецъ женской красоты: чудная женская головка, изображенная въ профиль и раскрашенная красками, которыя сохранились весьма хорошо. Волосы и глаза дѣвушки черные, въ платьѣ преобладаетъ голубой и красный цвѣтъ. Всѣ линіи мягки, на лицѣ грація, соединенная съ извѣстнымъ достоинствомъ. Весьма интересны также небольшія статуэтки, изображающія изящныхъ дамъ съ вычурною прическою, сильно декольтированныхъ, съ перетянутою талією и въ платьяхъ, украшенныхъ воланами.

Наиболѣе цѣнной находкой является уцѣлѣвшій архивъ, содержащій тысячи глиняныхъ табличекъ, покрытыхъ письменами. Письмена двухъ системъ: однѣ по своему типу напоминаютъ іероглифы,

а другія представляютъ буквенные знаки. Большинство кносскихъ таблицъ, повидимому, счета и квитанціи, но есть и таблицы, покрытыя менѣе однообразнымъ письмомъ. Примѣнена десятичная система: вертикальная черта обозначаетъ единицу, горизонтальная — десять, кружокъ — сто. Въ остальномъ критскія письма еще не разобраны, и языкъ ихъ неизвѣстенъ. Есть, однако, нѣкоторая надежда, что удастся найти ключъ къ пониманію ихъ. Въ Презѣ, въ восточной части Крита, было найдено нѣсколько таблицъ, начертанныхъ греческими буквами, но на непонятномъ пока языкѣ. Есть основаніе думать, что языкъ этихъ таблицъ есть языкъ этеокритскій, и что именно къ области этого языка относятся и кносскія таблицы, такъ что таблицы, найденныя въ Презѣ, можетъ быть, когда либо послужатъ ключемъ для прочтенія таблицъ Кносса. Слѣды критскаго письма были найдены также въ Орхоменѣ, въ Микенахъ и въ Египтѣ; и въ немъ, можетъ быть, нужно видѣть что-то вродѣ международнаго письма того времени.

Подобно тому, какъ въ Кноссѣ англійскіе, въ Фестѣ итальянскіе археологи (Гальбгерръ и Пернье) открыли развалины огромнаго, погибшаго отъ огня, замка и лѣтній дворецъ царей Феста въ Hagia Triada. Въ послѣднемъ найдены вазы съ рельефами, которые по красотѣ соперничаютъ съ флорентійскими рельефами временъ Возрожденія.

Дерпфельдъ доказалъ*), что какъ въ Фестѣ, гдѣ это особенно ясно видно, такъ и въ Кноссѣ и Hagia Triada среди такъ называемыхъ микенскихъ дворцовъ, нужно различать дворцы двухъ типовъ, и что только болѣе поздніе, отъ которыхъ, вообще, сохранилось не много, по своему плану похожи на дворцы Микенъ и Тиринѳа. Для различія Дерпфельдъ предлагаетъ дворцы древнѣйшаго типа называть просто критскими, и мы въ дальнѣйшемъ будемъ держаться его терминологіи. Между тѣмъ, какъ центръ микенскихъ дворцовъ представляетъ обширный мегаронъ, критскіе дворцы большихъ залъ не имѣютъ, представляя соединеніе безчисленнаго множества комнатъ, корридоровъ и лѣстницъ, сгруппированныхъ около большого центральнаго двора. Микенскіе дворцы сильно укрѣплены, критскіе укрѣпленій не имѣютъ. Какъ архитектурная особенность критскихъ дворцовъ обращаютъ на себя вниманіе окруженныя колоннадою залы, двѣ или три стѣны которыхъ состоятъ изъ однихъ только четырёхугольныхъ столбовъ и дверей.

Относительно техники, формы колоннъ и характера орнаментовъ критскіе дворцы мало отличаются отъ микенскихъ. Въ общемъ получается впечатлѣніе, что завоеватели-микенцы усвоили технику

*) Ср. Athen. Mitteilungen. Bd. XXX стр. 257—297.

покореннаго ими высококультурнаго народа, но удержали унаслѣдованный отъ отцовъ планъ дома. Въ этомъ видѣ микенская культура и распространилась по побережьямъ и островамъ восточной половины Средиземнаго моря.

Назначеніе Крита въ микенское время указываетъ роль, которую онъ играетъ въ греческомъ эпосѣ, а равно и преданія о критскомъ царѣ Миносѣ и его походахъ въ Аттику.

Критскіе цари микенской эпохи, какъ и ихъ современники въ Микенахъ, Тиринѣхъ и Орхоменѣ, по всей вѣроятности, были эллины: съ одной стороны, едва ли можно сомнѣваться, что герои, воспѣтые въ Иліадѣ и Одиссеѣ, именно и были герои микенскаго времени, и что резиденціи ихъ царей, богатая золотомъ Микены и великій Кноссъ, именно и были тѣ города, дворцы которыхъ теперь раскопаны; съ другой стороны, немыслимо, чтобы какой либо народъ, совершенно забывая про своихъ героевъ, воспѣвалъ бы героевъ чужого ему по языку и культурѣ народа и притомъ воспѣвалъ бы ихъ съ такою любовью и такъ гениально, что благодаря ихъ пѣснѣ они сдѣлались бессмертными. Вооруженіе гомеровскихъ героевъ, какъ это доказалъ уже Рейхель, микенское. Устройство домовъ и образъ жизни, правда, въ гомеровскомъ эпосѣ нѣсколько проще и бѣднѣе, чѣмъ это должно было быть въ резиденціяхъ царей микенскаго времени, но и это естественно: береговья страны Малой Азии, гдѣ впослѣдствіи сложился величественный эпосъ, по отношенію къ Криту и къ Микенамъ всетаки представляли провинцію; и когда эти богатые культурные центры были стерты съ лица земли новою эллинскою волною, а именно оставившими свои горы дорьянами, то въ предѣлахъ Эгейскаго моря не осталось ни одного города, который своимъ богатствомъ и блескомъ равнялся бы городамъ славнаго прошлаго; и новыя поколѣнія поэтовъ, говоря о любимыхъ герояхъ прошлаго, совершенно естественно, ставили ихъ въ обстановку своего времени. Передавая потомкамъ пѣсни предковъ, они часто какъ будто сомнѣваются, какъ люди могли создать что-либо столь совершенное въ области искусства, а потому склонны описанныя въ эпосѣ произведенія приписать творчеству бога Гефеста. Примѣромъ такого взгляда можетъ служить пѣсня о знаменитомъ щитѣ Ахиллеса.

О могуществѣ микенскихъ царей свидѣлствуютъ, кромѣ описанныхъ нами дворцовъ и сильно развитой системы путей сообщенія, остатки которыхъ сохранились до нашего времени, и упоминанія въ египетскихъ іероглифахъ II тысячелѣтія до Р. Хр. о нападеніяхъ на Египетъ народовъ, жившихъ на островахъ „Великаго Зеленаго моря“*). Если упоминаемые въ іероглифахъ народы, которые

*) Средиземнаго моря.

въ XIII и XII вв. до Р. Хр. участвовали въ походахъ противъ Египта: Dapaua и Aquauuascha, и не были данайцы и ахейцы (въ египетской транскрипціи), то, по крайней мѣрѣ, они были представители микенской культуры и явились въ Египетъ изъ бассейна Эгейскаго моря. Острова волновались, — рассказываетъ египетскій хронистъ, — и вели между собою войны. Ни одна страна не могла устоять противъ нихъ, начиная съ Kheta (Каппадокія и Киликія), Kedi, Carchemisch, Arvad и Alaschiya (часть Кипра?). Островитяне ихъ опустошили и собрались на равнинѣ среди Amar (Палестина = Amurru), но тамъ они были разбиты фараономъ Рамзесомъ III и совершенно уничтожены. Возможно, однако, что египетскій хронистъ преувеличиваетъ, и что побѣда египтянъ совсѣмъ не была такъ рѣшительна. Дѣло въ томъ, что именно съ этого времени египетскіе источники начинаютъ упоминать въ Палестинѣ филистимлянъ, которые представляли тамъ единственный арійскій островъ среди семитскаго моря народовъ, и довольно правдоподобно, что въ нихъ можно видѣть потомковъ разбитыхъ Рамзесомъ III островитянъ. Многие историки думаютъ, что филистимляне были тѣ Pulesatha, которые, по свидѣтельству египетскихъ источниковъ, вмѣстѣ съ Dapaua и Aquauuascha участвовали въ этомъ походѣ, и считаютъ ихъ выходцами изъ Крита*).

Походъ ахейцевъ, подъ предводительствомъ микенскихъ царей противъ Трои, походъ который нѣсколько десятилѣтій тому назадъ считали вымысломъ поэтовъ, теперь уже не представляется невозможнымъ. Напротивъ, въ виду любви микенцевъ-ахейцевъ къ военнымъ походамъ и въ виду того, что на указанномъ поэтами мѣстѣ въ самомъ дѣлѣ были раскопаны развалины сильно укрѣпленнаго и погибшаго отъ огня города, этотъ походъ приходится признать историческимъ фактомъ. На томъ же основаніи нужно будетъ Агамемнона и Менелая, которые во второй половинѣ XIX вѣка были произведены въ миѳическія божества, лишить этого сана и считать ихъ простыми смертными: ахейскими царями Микенъ и Спарты.

Исторія Греціи въ III и во II тысячелѣтіяхъ до Р. Хр., основанная почти исключительно на археологіи, конечно, всегда будетъ имѣть много гипотетичнаго, и нисколько не удивительно, что теперь, когда найденный на Критѣ и въ другихъ мѣстахъ богатый археологическій матеріалъ еще окончательно не разработанъ, мнѣнія историковъ далеко расходятся. Древнѣйшій періодъ греческой исторіи представляется намъ, приблизительно, въ слѣдующемъ видѣ.

Въ III тысячелѣтіи до Р. Хр. берега и острова Эгейскаго моря населяли различные народы, болѣе или менѣе объединенные общою культурою. Среди нихъ выдѣлялся народъ, обитавшій на Критѣ и

*) Cp. The Annual of the British School at Athens VIII стр. 157—196.

успѣвшій создать тамъ, отчасти подъ культурнымъ вліяніемъ Египта и Вавилона, удивительную культуру, остатки которой мы видимъ въ древнѣйшихъ дворцахъ Кносса и Феста. Въ горныхъ частяхъ Крита этотъ народъ сохранилъ свою національность еще и въ классическій періодъ греческой исторіи: въ восточной части острова подъ именемъ этеокритянъ, въ западной — подъ именемъ кидонійцевъ. Когда удастся разобрать письма кносскаго архива, будетъ не трудно опредѣлить національность древнихъ критянъ, теперь же наибольшую вѣроятность имѣетъ за собою гипотеза, что древніе критяне были родственны карійцамъ, которые жили тогда не только въ юго-западной части Малой Азіи, но и въ значительной части собственной Эллады. Въ послѣдней памяти о нихъ сохраняютъ многочисленные названія мѣстностей, оканчивающихся на „тτος“ и „θος“, напр. Ὑμηττός, Βοιληττός, Κόρινθος и др. Карійцы не принадлежали ни къ семитскому, ни къ индоевропейскому племени народовъ, но составляли вмѣстѣ съ ликійцами и киликійцами особое мало-азіатское племя. Изъ Крита эта новая культура постепенно распространялась по берегамъ и островамъ Эгейскаго моря, а критскія письма, по видимому, служили для взаимныхъ сношеній народовъ этого круга. Вообще южная часть Эгейскаго бассейна въ культурномъ отношеніи сильно опередила сѣверную; и въ то же время, какъ въ Nagia Triada на Критѣ создаются вазы съ рельефами, которые своимъ совершенствомъ напоминаютъ флорентійскія произведенія временъ Возрожденія, глиняные сосуды Трои отчасти еще дѣлаются рукою.

Торговля сношенія критянъ и эгейцевъ въ концѣ III тысячелѣтія до Р. Хр., безъ сомнѣнія, простирались далеко: съ Египтомъ они вели дѣятельную торговлю, съ Кипра получали мѣдь, изъ западной Европы олово, между тѣмъ какъ рынкомъ для ихъ гончарныхъ произведеній служила, вѣроятно, и область около устья Дуная. Найденная на Критѣ вавилонская печать свидѣтельствуетъ о сношеніяхъ критянъ съ Вавилономъ. Нѣкоторые историки, главнѣйшимъ представителемъ которыхъ является англичанинъ Бьюри, думаютъ, что уже въ III тысячелѣтіи до Р. Хр. существовали кое-какія сношенія народовъ, обитавшихъ на побережьяхъ Эгейскаго моря, съ западнымъ Китаемъ, потому что въ древнѣйшихъ слояхъ Трои были найдены топоры, сдѣланные изъ нефрита, камня, который теперь находятъ только въ Туркестанѣ; но такъ какъ въ странахъ, лежащихъ около Альпъ, найдено нѣсколько сотъ нефритовыхъ топоровъ, то вѣроятнѣе, что и въ Европѣ, хотя и въ незначительномъ количествѣ, находили и обрабатывали нефритъ; отсюда могли и троянцы получить свои нефритовые топоры.

Но въ то время, какъ критская культура достигала все большей и большей высоты, на сценѣ исторіи уже появился народъ, которому

было суждено замѣнить критянь. Это были элины ахейскаго племени, которые, оставивъ горы сѣверной Греціи и Фессалію, гдѣ они долго жили, двинулись къ югу и въ борьбѣ, длившейся, можетъ быть, много вѣковъ, подчинили своей власти всю южную часть Балканскаго полуострова и основали на равнинахъ восточной Греціи (въ Беотіи и Арголидѣ) сильныя государства. Отъ критянь ахейцы заимствовали ихъ высокую культуру и перенесли ее на материкъ Эллады, въ Микены и Тиринѣ, а наконецъ завоевали и самый Критъ. Микенцы-ахейцы, однако, не были рабскими подражателями критянь и въ нѣкоторомъ отношеніи ихъ культура, какъ мы выше видѣли, отъ критской рѣзко отличалась. Культурное вліяніе Вавилона и Египта отражается на произведеніяхъ микенской промышленности и микенскаго искусства не меньше, чѣмъ на произведеніяхъ критянь. Но и по отношенію къ этимъ древнимъ культурнымъ странамъ микенцы не были только учениками: египтяне сами отъ нихъ не мало заимствовали. Микенская промышленность развивалась особенно на Критѣ и въ Арголидѣ, но слѣды ея замѣчаются далеко за предѣлами Эгейскаго моря, до самой Испаніи. Микенцы-ахейцы, однако, отнюдь не представляются народомъ, увлеченнымъ всецѣло мирнымъ трудомъ: война имъ даже милѣе спокойной созидательной работы, и они являются постоянною грозою для богатыхъ не-ахейскихъ странъ, о чемъ свидѣтельствуютъ упоминаемые въ египетскихъ письменахъ неоднократные походы ихъ въ Египеть. Дворцы ахейцевъ въ Микенахъ и Тиринѣ сильно укрѣплены и имѣютъ массу помѣщеній; это какъ будто указываетъ, что около ахейскихъ царей жила и часть ихъ дружины, ихъ *ἑταῖροι*, и что рядомъ съ господствующимъ народомъ (ахейцами), представлявшимъ главнымъ образомъ классъ воиновъ, въ странѣ обитали и многочисленные представители прежняго покореннаго населенія, которое съ помощью этихъ крѣпкихъ замковъ держалось въ повиновеніи. Фуртвенглеръ обращаетъ вниманіе и на то обстоятельство, что на рисункахъ микенскаго времени, кромѣ женщинъ въ хитонахъ и мужчинъ въ богатомъ военномъ одѣяніи, встрѣчаются также женщины въ платьяхъ съ воланами и мужчины въ легкомъ костюмѣ, при чемъ рядомъ съ послѣдними изображены сфинксы, львы, пальмы и пр. Въ изображеніи первыхъ, повидимому, нужно видѣть элиновъ-ахейцевъ, въ послѣднихъ — представителей покоренныхъ ими болѣе южныхъ народовъ. Къ концу II тысячелѣтія до Р. Хр. микенская культура переживаетъ уже періодъ упадка, и въ XI вѣкѣ новая эллинская волна заливаєтъ богатую ниву микенской культуры. Малокультурные, воинственные дорійцы спускаются со склоновъ Пинда, и блестящія колесницы ахейскихъ героев отступаютъ передъ дружнымъ напоромъ сомкнутыхъ дорійскихъ рядовъ. Ахейцы частью ищутъ себѣ убѣжище на Кипрѣ и на при-

брежѣ Малой Азіи, частью покорно признаютъ власть новыхъ завоевателей. На материкѣ Греціи только аркадцамъ и аоніянамъ удалось отстоять свою независимость. Борьба, однако, длилась очень долго и кончилась только черезъ 400 лѣтъ покореніемъ Месеніи. Во время этой борьбы въ европейской Греціи совершенно гибнетъ микенская культура и начинается темный періодъ греческаго средневѣковья, но на западномъ берегу Малой Азіи, куда дорійцы не заходили, на микенской подкладкѣ создается новая культура. Здѣсь пѣвцы гомеровскаго эпоха поютъ свои безсмертныя пѣсни, которыя въ древнѣйшихъ своихъ частяхъ были перенесены туда съ европейскаго материка, а, можетъ быть, и съ Крита; здѣсь зарождается греческая философія; здѣсь новое греческое искусство дѣлаетъ свои первые нетвердые шаги, пока, на благо всего человечества, оставленныя дорійцами въ покоѣ Аѳины не берутъ на себя руководящую роль въ развитіи человечества и такимъ образомъ не дѣлаются счастливою наслѣдницею культуры великаго Крита и богатыхъ Микенъ.

Э. Фельсбергъ.